

МУРЗИЛКА

№ 11
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
НОЯБРЬ
1955

НОЯБРЬ

С. МАРШАК

День седьмого ноября —
Красный день календаря.
Погляди в своё окно:
Всё на улице красно!

Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.
Видишь, музыка идёт
Там, где шли трамваи.

Весь народ—и млад и стар—
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

ЮРИЙ НАГИБИН

СОЛДАТСКИЕ САПОГИ

В пору гражданской войны на Украине моя семья распрощалась с цыганским табором и поселилась в станице Бекетовке, в хате однорукого солдата-сапожника Никиты Роя.

Отчим быстро обучился у Никиты его мастерству и вскоре стал известен в округе как лучший сапожник — «крепковик». Это значит, что он шил очень крепкую, прочную обувь.

Однажды я увидел на улице, против нашей хаты, двух солдат. Они расспрашивали встречную женщину, где живёт сапожник. Женщина указала на нашу хату.

Солдаты вошли на крыльцо, постучались, переступили через порог и так сказали отчиму:

— Братик дорогой! Не найдётся ли у тебя каких опорок? Вишь, колёса наши совсем развалились!

— А вы кто будете? — осторожно спросил отчим, оглядывая их худые сапоги с отставшими подмётками, подвязанными бечевой.

— Красноармейцы, — ответил один из солдат.

— Красные конники? — вырвалось у меня.

— Пешие мы, — ответил другой солдат и указал на свои сапоги.

Отчим задумался: он, верно, смекал, не навлечёт ли какой беды на нашу семью, если поможет красноармейцам.

— Помоги, браток, сделай милость, — сказал первый солдат. — Раненые мы, из лазарета, часть свою нагоняем. А разве в этих нагонишь? — он поднял ногу, под отставшей подмёткой виднелась окровавленная ступня.

— Нет, — сказал отчим, — не буду я чинить вашу обувь.

Красноармейцы переглянулись и вздохнули.

— Эти сапоги нельзя чинить, — продолжал отчим. — Я починю их, а завтра они снова развалятся. Кожа сопрела, а раз кожа сопрела, самый лучший мастер ничего не сделает...

Отчим нагнулся и, упершись ладонью в подъём, снял сапог, затем другой.

— Видите, сапоги старые, а крепкие, они ещё три года послужат, потому кожа хорошая. На, держи, — и он протянул сапоги солдату с окровавленной ступнёй.

Тот взял сапоги, но так и держал их навесу, словно не знал, что с ними делать.

Отчим пошарил под лавкой и достал сапоги Никиты Роя на толстых подшитых подошвах, с крепким, целым голенищем.

— Хорошие сапоги, — сказал отчим, — кожа хром. Как раз тебе по ноге. — И он протянул эти сапоги другому солдату.

— Нет,—с тоской проговорил солдат,— не можем мы взять...

— Нам бы опорочки, — тихо добавил другой, — старенькие опорочки, чтоб ноги сунуть...

— Берите, — веско сказал отчим, — мы в тепле сидим, а у вас путь долгий.

Солдаты поглядели на отчима, может, что-то прочли в его карих глазах, нагнулись и стали быстро переобуваться.

Они были так глубоко, так полно счастливы, почувствовав на ногах прочную, надёжную, удобную обувь, что не находили слов, а только мяли руки отчима и вздыхали:

— Эх, братик! Эх!..

Затем они ушли. Никита Рой, которому отчим рассказал, как распорядился его сапогами, ограничился коротким: «Нехай!» — и стал набивать подмётки на чьи-то чоботы.

А через несколько дней во двор к нам стройным шагом вошла целая красноармейская часть. Ещё на подходе слышали мы их песню, но никак не думали, что они направляются к нам.

Гей, по дороге,
По дороге войско красное идёт, —

выводил один взвод, а другой подхватывал:

Гей, власть Советов,
Власть Советов никогда не пропадёт.

Когда все красноармейцы втянулись во двор, их командир крикнул что-то отрывисто, они живо построились в две шеренги и замерли, будто неживые. Один из красноармейцев взбежал на крыльцо и крикнул отчиму:

— Выходи!

Отчим одёрнул рубашку, застегнул жилетку, пригладил волосы и вышел на крыльцо. И тут я услышал громкое «ура».

— Ура-а! — кричали красноармейцы все, как один, широко открывая рты.

Они кричали «ура» моему отчиму, будто

он был главный генерал. А затем их командир сказал речь. Из его речи выходило, что отчим не какой-нибудь распроклятый кулак, а цыганский трудящийся человек, и что сапоги, которые он дал красноармейцам, принесут победу над буржуазией.

Я уже готов был разуться, чтобы и мои сапоги участвовали в победе над буржуазией, но отчима принялись качать. По началу я немного струхнул: я никогда не видал, как качают людей. Но добрые, смеющиеся лица бойцов быстро успокоили меня, и я с восторгом смотрел, как мой отчим, болтая в воздухе ногами, взлетает чуть ли не до самой скворечни.

Наконец отчима поставили на землю, красноармейцы с песнями покинули наш двор, а командир их остался и о чём-то долго беседовал с отчимом. Я почему-то решил, что отчима собираются назначить большим командиром в Красной Армии.

На другой день явились к нам плотники и стали ломать перегородки, делившие натрое хату Никиты Роя: на кухню, на чёрную и белую горницы. Сколько весеннего солнца хлынуло вдруг в нашу сумрачную хату! А дальше пошло ещё веселее. Всё время приходили какие-то бородатые дяди, притаскивали разные инструменты, сапожные ящики и складывали их в сенях. Каждый из них норовил сказать мне ласковое слово, похвалить невесть за что. «Гарный хлопчик!» — говорил один. «Справный паренёк!» — вторил другой. И мама, исполняясь гордости, говорила: «Вы бы послушали, как он на цимбалах играет!» И я играл, а дядьки слушали да похваливали.

Но вскоре я услышал от них самих удивительные, хватающие за душу песни про ямщиков, замерзающих в степи, про волжский утёс, про атамана Стеньку Разина. И люди, которые их пели, вовсе не были артистами, они были сапожниками, собравшимися под кров Никиты Роя, чтоб шить сапоги для Красной Армии.

О том, что у нас будет большая сапожная мастерская, я догадался, когда со станции привезли ящики с кожей. Ящики стояли повсюду: вдоль стен, за печкой, в сенях, на чердаке.

И вот наперебой застучали молотки шестнадцати мастеров, зазвучали то грустные, то весёлые песни. Мой отчим, старший по мастерской, принимал готовую обувь, мастера иной раз обижались на придирчивость отчима, но всё же слушались его. Приходили военные люди и забирали обувь, а нам оставляли сахар, муку, пшено. Мать с помощью Никиты Роя готовила на всю артель вкусный кулеш.

Хорошие, радостные дни!

Но однажды всё изменилось. Как ветер по верхушкам тополей, прокатилась тревожная весть: красные отступают.

У нас начался переполох. Люди тащили из сеней перегородки и пытались поставить их на старое место, в растерянности переставляли с места на место ящики с кожей.

— Чему быть — того не миновать, — спокойно сказал отчим. — Наше дело сохранить кожи...

И когда посмеркалось, сапожники заколотили ящики и спустили их на верёвке в высохший колодец, а отверстие прикрыли подсолнечными снопами.

— А теперь ступайте по домам, — сказал отчим мастерам, — ни о чём не беспокойтесь, белые до вас не доберутся.

Прежде чем покинуть хату, каждый из мастеров низко кланялся отчиму, точно прося за что-то прощения. Позднее я понял, что так оно и было: ведь отчим за всех оставался в ответе. Вместе с мастерами ушёл и Никита Рой...

Едва люди разошлись, как в Бекетовку вступили белые.

Прошла ночь, наступил день, долгий, томительный, тревожный. К нам никто не являлся.

— Может, нас не тронут? — сказала мать.

— Конечно, не тронут! — ответил отчим. — Что мы такого сделали? Несколько пар обуви...

Но к нам пришли. Был уже вечер, солнце опустилось за реку, предночная тишина окутала деревню. Два офицера и три солдата постучали в ворота, подошли к дому. Один из солдат поднялся на крыльцо и крикнул отчиму:

— Выходи!

Отчим одёрнул рубаху, застегнул жилетку, пригладил руками седеющие кудри и вышел на крыльцо. Вот так же выходил он перед строем красных бойцов.

Но то, что случилось дальше, совсем не походило на прежнее. Офицеры что-то кричали, трясли кулаками перед носом отчима, один из них рукой в перчатке наотмашь ударил его по лицу. Отчим потупил голову. И тут к нему подошли солдаты, скрутили за спиной руки и потащили в сарай.

Вскоре до нас донёсся громкий вопль, мать выбежала из хаты и бросилась к сараю. Кто-то невидимый мне отшвырнул её раз, другой. Мать упала, потом поднялась и очень прямая, спокойная прошла назад в дом. Но тут она вдруг стала кружиться вдоль стен, как слепая лошадь, потом рухнула на пол, зажав уши, чтоб не слышать сдавленных, сквозь зубы, криков отчима.

Поздним вечером мать с помощью старика соседа внесла полумёртвого отчима в дом и положила на кровать. Я забился в дальний угол и, не мигая, смотрел на чёрное, чужое лицо отчима. Веки его были сомкнуты. Под простынёй, которой его накрыли, не ощущалось тела. Но когда мать поднесла ему воды, в горле у него что-то забулькало, — значит, он был жив. Мать заметила мой страх и сказала:

— Ведь это наш батя, Колька! Подойди к нему. Это же батя...

Но я забрался на печку и не дал себя вымагнить никакими уговорами. Лишь утром покинул я своё убежище. Глаза отчима глядели, а эти родные, карие, добрые глаза помогли мне вновь узнать его лицо. Я увидел прокопчённые усы, худые щёки в седоватой щетине, мокрые пряди совсем побелевших волос на лбу. Я заплакал.

Отчим повернул ко мне странно лёгкую голову, совсем не мявшую подушку.

— Подойди, — сказал он. — И ты подойди, Мария.

А когда мы подошли, отчим твёрдо произнёс:

— Поднимите рубашку, — и, так как мы медлили, добавил: — Это нужно.

Мать дрожащими руками выполнила его просьбу, и мы увидели багрово-синюю, в чёрных подтёках, вспухшую, исполосованную спину отчима.

— Крепко побили? — спросил отчим.

— Крепко, — прошептала мать.

— Значит, за дело, — сказал отчим и улыбнулся потрескавшимися губами.

Я посмотрел на него сквозь завесу слёз и перестал плакать: лицо отчима дышало спокойствием, даже радостью.

Ночью я лёг рядом с ним, чтобы согреть его своим телом. Отчима знобило, его дрожь сообщалась мне и от меня возвращалась к нему. Он слышал её как мою дрожь и, гладя меня по голове, говорил:

— Ничего, сынок, ничего! Всё будет хорошо! Придёт и наша правда...

Правда и на деле была не за горами. Вскоре в деревне провозгласили советскую власть: отныне и во веки веков...

Однажды к нам во двор въехали двое военных на красивых гнедых конях и позвали отчима. И в третий раз отчим, одёрнув рубаху и пригладив кудри, трудной, медленной поступью вышел на крыльцо. Один из военных спешился, обнял отчима, поцеловал в губы и вручил ему именные серебряные часы в благодарность за помощь, оказанную Красной Армии.

МИХАИЛ КОРШУНОВ | *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

В основе этих рассказов лежат подлинные истории, о которых писатель узнал от участника подпольного движения на Донбассе старого большевика Р. Я. Терехова.

БОМБА

В полицейском участке вдоль стены на лавке сомлели от испуга, застыли жандармы. Их оторопелые взгляды были направлены на стол, на котором лежала бомба — чёрная, гладкая, внушительная.

Только что в комнату ворвались неизвестные люди в пиджаках, внесли эту чёрную гладкую бомбу, положили её посреди стола и приказали затихнуть, чтобы не было никакого шевеления, а то-де неровён час бомбочка злонамеренно пыхнет и от господ жандармов могут остаться одни фу-фу!..

Потом они выпустили из участка недавно задержанного коммуниста и провели от бомбы за дверь маслянистый гибкий шнур. Кто знает, куда они его провели?!

Жандармы уныло сопели в своих тесных пыльных мундирах и не двигались, а только тянули к столу уши, прислушиваясь: не пущена ли в бомбе заводная пружина? Но, кроме гудения ленивой от жары мухи, которая время от времени стукалась об оконное стекло, и тогда внутри у мухи что-то особенно громко дребезжало, да осипшего мычания коровёнки на соседнем дворе, ничего не было слышно.

Но вот в прихожей раздались торопливые, резкие шаги, и в участок почти вбежал жандармский офицер.

— Где арестованный, суконные идиоты?

Усики его растопорщились, глаза от гнева побелели.

Один из жандармов с опаской кашлянул и пробормотал:

— Осторожно, ваше благородие, бомба тут...

— Бомба! Бомба! — воскликнул офицер, выхватил из ножен шашку и смаху рубанул по бомбе — хрясь...

Жандармы вздрогнули.

Бомба распалась на две половинки. Это была крашенная чёрной краской спелая сочная тыква.

ПОСЛОВИЦА

Судили рабочего агитатора. На суд был призван свидетелем урядник Дудыкин.

Он стоял перед прокурором в полной выкладке: синий мундир, лакированные ремешки, жёлтая кобура, густо навощённые мазью сапоги; каблуки вместе, носки врозь. При этом он пялил грудь в малиновых шнурах — изображал усердие — и молчал.

Зал суда заполнили рабочие: процесс был объявлен открытым, показательным.

— Свидетель Дудыкин! — говорит прокурор.

— Я как есть, ваше высокоблагородие! — хлопает каблуками урядник.

— Почему вы молчите? Отвечайте суду, что выкрикивал этот человек на заводском дворе, какие слова? — И прокурор кивком головы показывает на рабочего агитатора.

— Он... ваше высокоблагородие, — мнётся, скрипит амуницией урядник.

Над головой прокурора в тяжёлом позолоченном багете висит портрет царя. Царь глядит прямо на урядника.

— Ну... выкрикивал этакое...

— Что этакое?

— Этакое такое...—Дудыкин вновь замолкает.

Прокурор пытается прийти на подмогу уряднику.

— Что-нибудь неугодное правительству или императору?

— Да не-ет... — урядник пыхтит, ёрзает шеей в тугом воротнике мундира.

— Ну, а что же? Отвечайте наконец.

— Пословицу.

— Пословицу?! — повторил удивлённый прокурор, сдёргивая тонкое пенсне. — Какую?

— Народную пословицу.

— Какую именно?

Урядник с отчаянием вздохнул своей синей в малиновых шнурах грудью, погромче прихлопнул каблуками и сказал:

— Долой царя!

ЛИСТОВКИ

Листовки должны были прочитать все в городе. Можно ли такое сделать или нельзя?

Рабочие механической мастерской «Вильде и К°» решили, что можно. У себя на производстве они пользовались канифолью и маслом леонафтом: канифолью натирали ремни, чтобы не соскакивали со шкивов, а леонафтом смазывали детали машин и станков.

На жаровне, на которой грели паяльники, рабочие сварили в чугунце канифоль с леонафтом.

А рано утром, как только над городом зародился рассвет, на деревянных столбах и заборах были расклеены листовки.

Полиция немедленно получила приказ от градоначальника — листовки уничтожить. Но не тут-то было: пропитанные этим клеем, они точно въелись в дерево.

Полицейские пытались их содрать, соскоблить, смыть холодной водой, горячей, — безуспешно.

Прошёл дождь — висят листовки...

Греет солнце — висят, не отсыхают...

В городе давно уже успели их прочитать, а они всё висят.

Тогда в один из дней полицейские появились с рубанками. Злые и потные, полицейские неумелыми руками начали строгать столбы и заборы.

И так, под пересмешки горожан и мальчишек, строгали они их до позднего вечера.

Зелёная беда

Таджикская сказка

И. НЕХОДА

Рис. А. ЛИВАНОВА

Ты сказке верь или не верь,—
Жил бай,
Но нет его теперь!
Идут года,
Но и тогда
Арыки на полях копали,
О чугуне слыхал народ,
И как простой арбуз растёт,
Все люди в Бухаре видали.

Лишь бай арбуза не видал,
Хотя хвалился людям,
Как будто всё на свете знал,
Что было,
есть
и будет!

Он, правда, знал арбуза вкус.
Ведь слуги бая сами
Несли в столовую арбуз,
Нарезанный кусками.
Давился бай большим куском,
Арбуз не видя целиком.

Вот как-то в поле бай пошёл,
Идёт, собой гордится.
Трава блестит, как яркий шёлк,
Красуется пшеница.

Хоть в поле урожай хорош,
А бай крестьян ругает...
Как хорошо, что ты живёшь,
Не зная вовсе бая.
Сам не хотел работать бай,
А грёб крестьянский урожай.

Шагает бай среди полос,
Где льётся пенье птичье,
И так задрал высоко нос
В знак своего величья,
Что шапка наземь с головы!
Поднять? Ну да, дождётесь вы!
Нагнуться? Он же бай!
Слуга подаст пускай!

Но, не увидев близко слуг,
Решил он наклониться,—
И вдруг...
В глазах его испуг:
Что это он заметил вдруг
Среди густой пшеницы?

Бай перепуганный дрожит:
В пшенице кто-то страшный...
Там, рядом с шапкою, лежит
Толстяк, зелёный, важный.

Бай отступает и орёт:
— Там страшный, там зелёный!—
К нему сбегается народ
И смотрит удивлённо.

Что это бай в траве нашёл?
Змею увидел, что ли?
Чего ревёт он, как осёл
В ночном холодном поле?

А бай шумит:
— Сюда!
Сюда!—
Напуганный арбузом.—
Смотрите, там сидит беда,
Беда с огромным пузом...

Пускай я с места не сойду,
Ружьё нам пригодится,
Убьём зелёную беду,
Что нашу ест пшеницу.

Ружьё охотничье несут
Без лишней проволочки.
Бабахнул выстрел, и капут —
Летят куски, кусочки...

Стреляет метко хлебороб.
Беда убита злая...
Но семечко попало в лоб
Испуганного бая.

От страха зашатался бай,
Ко лбу он поднял руку.
— На мне беда!
Ещё стреляй! —
Кричит он с перепугу.

Ну что ж, стрелок приказу рад,
За чем же остановка!
По лбу, по семечку заряд
Он посылает ловко.

Бай сразу грохнулся в межу.
А почему погиб?
Скажу!
И в те года,
Ещё тогда
Арыки на полях копали,
О чугуне слыхал народ,
Все знали, как арбуз растёт,
Но бая также люди знали.
Все понимали и тогда,
Что в бае главная беда!

Перевела З. Александрова

Рис. В. АНДРИЕВИЧА, И. БРУНИ

А и Б

ЦИРК

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ,
ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Рис. Ю. КОРОВИНА,
В. ТАРАСЕНКО

Здравствуйте,
Здравствуйте,
Дорогие зрители!
Ближе познакомиться
С нами не хотите ли?

Мы весёлые актёры —
Акробаты и жонглёры,
Музыканты и танцоры,
Тигров укротители!

Под раскаты смеха,
Гулкие, как эхо,
Выезжает Карандаш,
Карандаш? А кто он?
Карандаш — это наш
Знаменитый клоун.

У жонглёров блюдца
Никогда не бьются.
Летят, летят, вращаются
И в руки возвращаются!

Луки подняли стрелки —
В цель попали метко.

Ваши звонкие хлопки —
Высшая отметка.

Воздушные гимнасты
Под купол забрались,
Воздушные гимнасты
Взглянули сверху вниз.

А снизу на гимнастов
Все зрители глядят —

Воздушные гимнасты
По воздуху летят!

По арене мчатся кони,
А за ними чёрный пони,
А у пони на попоне
Едет маленький седок:
Он с ушами,
Он с усами, —
Вы его узнали сами.
Прыг-скок,
Прыг-скок!..

Кто танцует на канате?
Это надо ж так уметь!
Цирковой медведь Игнатий —
Замечательный медведь.

А сынок его сорвался —
Мало он тренировался.

Снова музыка слышна —
Эта музыка смешна.

Струны тронул гитарист,
А в ответ раздался свист.

Кто свистит?
Свистит рожок.
Ты зачем свистишь, дружок?
Тут вмешался контрабас,
Потеряв терпенье:

— Я охрип на этот раз,
Кончим представленье!

До свиданья,
До свиданья,
Дорогие зрители!
Расскажите всем ребятам,
Что вы здесь увидели!

ЯКОВ ПИНЯСОВ

ОТЧЕГО ЛЯГУШКА СПЛЮЩИЛАСЬ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Есть у нас в Мордовии в излучине прекрасной реки Мокши чудесная роща. Певчих птиц в ней так много, что каждый день для всех желающих пернатые певцы дают концерт.

Запевают, конечно, соловьи, известные солисты, мастера пения. Голоса у них чистые, звонкие, приятные. То забулькают, то защёлкают, то засвистят, то заиграют, как пастушьи дудки, то рассыплются бубенчиками. Подыгрывают им варакушки, подсвистывают дрозды, подстукивают дятлы-барабанщики, в кастаньеты синички щёлкают, иволги подголоски выводят. Даже

безголосая кукушка и та аккомпанирует как может:

— Ку-ку, ку-ку!

Всё лесное население слушает не наслушается. Даже сонная сова и та ушами встряхнёт, глазами поморгает и крыльями похлопает.

А восторженный кулик взовьётся выше всех в небо и кричит на весь свет:

— Бис! Бис!

Все пернатые артисты дружные, не гордые, не заносчивые, не завистливые; каждый поёт как может.

Лес велик, деревьев много, каждому можно своё искусство показать.

Козодой летает по лесу и кого ни встретит, всех уговаривает:

— Спой, спой!

А перепёлка любит молодые таланты открывать и каждой птичке утром и вечером внушает:

— Спеть пора, спеть пора!

Все птицы свои таланты попробовали, а зелёная толстая лягушка сидит в болоте и молчит, только от зависти надувается.

Заметил её хохлатый чибис. Подбежал на своих качких ножках, кланяется, трясёт хохолком и спрашивает:

— Почему не поёте? Чьи вы? Чьи вы?

— Меня не просят, вот и не пою, — отвечает лягушка.

— А мы вас попросим, попросим, — сказала пробегавшая мимо вежливая трясогузка на тоненьких ножках. И тоже стала кланяться.

Но лягушке этого показалось мало:

— Я не такова, я не такова.

Прибежали, прилетели другие птицы — наперебой уговаривают лягушку участвовать в их концерте. Уж если она так важничает, наверное, и голос у неё замечательный и поёт отменно хорошо.

Отмалчивается лягушка.

Даже утка, сидевшая в гнезде, стала ей говорить:

— Зря не соглашаетесь, зря, зря!

Наконец уговорили лягушку, и она ответила:

— Ладно, ладно.

И попрежнему сидит в болоте и не поёт.

Стали её уговаривать птицы вспорхнуть и занять любое дерево. А глуховатый тетерев забормотал:

— Бу - бу - бу, устраивайтесь на дубу!

— На дубу для моего голоса низко.

— Пожалуйте на берёзу. На осину. На рябину. На сосну!

Но сколько ни предлагали птицы, всё лягушке низко.

— Я хочу петь выше всех. Иначе не соглашаюсь!

— Пожалуйста, пожалуйста, раз у вас такой сильный голос, поднимайтесь как вам угодно, хоть выше жаворонка. Это нам не в укор, не в укор, — затараторила сорока.

— Разве вы не видите, что я крылья на воду постелила сушить, — показывая на широкие листья жёлтых кувшинок, сказала лягушка.

— Это очень долго ждать, — огорчились птицы, — разве скоро крылья в болоте высохнут? У всех к тому времени птенцы выведутся, и концерты кончатся. Когда детей кормят, петь некогда. Неужели так и не услышим мы важную певицу?

— Как тут быть? Как тут быть? — взволновался перепел.

И попросили птицы сильного, крепкого, смелого ястребка поднять лягушку выше всех.

Подхватил он лягушку подмышки своими цепкими коготками и пошёл вверх. Кругами летит, словно по винтовой лестнице на небо поднимается.

И спрашивает:

— Выше? Выше?

— Да, да, да! — отвечает лягушка.

— Взвить, взви-ить?

— Да, да, да!

Вот уж лес внизу как зелёная шляпа, а река как синяя лента. А ей всё мало. Залетел ястребок под облака, в такую высь, откуда ни одна птица не поёт. Распластал крылья, парит на одном месте и говорит:

— Начинайте, уважаемая. Лебедь красивей вас и тот на три взмаха ниже поёт!

Раскрыла рот лягушка во всю ширь, да как гаркнет:

— Ур-род! Ур-род! Я не такова! Я не такова! Ур-род! Ур-род!

А ястребок подумал, что она его ругает, и рассердился:

— Ах, если я урод, ищите себе красавца, — и выпустил её из когтей. С огромной высоты упала лягушка в болото, да так хлопнулась об воду, что от удара сплющилась.

И вот с тех пор сидит у себя в болоте сплющенная и кричит-надрывается:

— Вот я како-ва! Вот я како-ва!

Птицы теперь и сами не рады, что пробудили в ней талант к пению. Тетерев на что глуховат и тот на ночь уши крылом закрывает.

Сколько перепел её ни уговаривает: «Спать пора, спать пора!» — лягушка и слышать не хочет и день и ночь орёт.

Только тем певчие птицы и спаслись, что серую цаплю позвали.

Когда цапля на одной ноге в болоте стоит, знайте, это она лягушку сторожит. Боится кваква, что цапля её, сплющенную, легко проглотит. Спрячется под листья кувшинки и помалкивает.

Перевёл с мордовского и обработал Н. Богданов

ПРО КУЛИКА МОЛОДОГО

Короткая сказка

Влез кулик молодой на колоду — бултых в воду!

Вымок.

Вынырнул.

Вылез.

Высох.

Влез на колоду — и снова в воду.

Совсем кулик головой поник. Да вспомнил кулик молодой, что у него крылья за спиной.

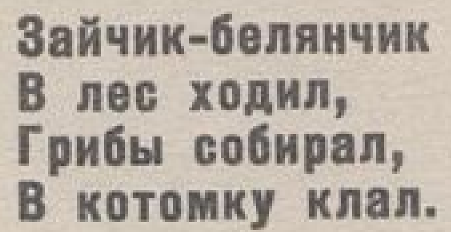
И полетел!

Г. АБРАМОВ

Живёт в пруду Тарас —
Кричать горазд.

Зайчик-белянчик
В лес ходил,
Грибы собирал,
В котомку клал.

ДВА ЦЫПЛЁНКА

Литовская
народная песня

Два цыплёнка, два цыплёнка
Просо молотили,
Две хохлатки, две хохлатки
К мельнику возили.

Наш козёл отличный мельник,
Он молоть умеет.
А коза ему поможет
И муку просеет.

Муха тесто ловко месит,
Пчёлка помогает,
Солнце светит, солнце светит,
Тесто запекает.

Перевела
НИНА НАЙДЁНОВА

Ползун ползёт,
Иголки везёт.

Мышка хвостиком махнёт
И яичко разобьёт.
Будут плакать дед да баба...
Ну, а что им скажет Ряба?

НИНА НАЙДЁНОВА

Под листом на каждой ветке
Сидят маленькие детки.
Тот, кто деток соберёт,
Руки вымажет и рот.

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

ПИН ПОЛЕНТА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этом номере журнала мы познакомим вас с приключениями одного из любимых героев итальянских народных сказок, Пин Полентой.

Он немного чудаковат и смешон, долговязый Пин Полента. Он часто попадает в разные неприятные истории.

...Однажды мать отправила Пин Поленту к отцу на работу отнести ему обед. Идёт Пин Полента полем, песенку напевает. Обернулся... Видит, какая-то тень за ним увязалась. Закричал Пин Полента на тень, затопал на неё ногами, дальше пошёл, а тень всё не отстаёт.

„Может, она голодная?“ — подумал Пин Полента.

— Так и быть, дам я тебе котлету, только отвяжись от меня.—И он кинул ей большую котлету. Но тень и не думала уходить. Бросил ей Пин Полента вторую котлету, третью, четвёртую — все котлеты покидал. Вы сами догадываетесь, как досталось Пин Поленте от отца. Спасаясь от расправы, бросился он бежать со всех ног, а проклятая тень неотступно бежала за ним.

Но присмотритесь повнимательнее к Пин Поленте: он никогда не унывает и не жалуется, да к тому же он совсем не так глуп, как кажется; пособразительнее некоторых, считающих себя большими умниками.

Все сказки про Пин Поленту собрал и обработал итальянский писатель Флора. Сказка, которую вы прочтёте, также обработана им и напечатана в журнале пионеров Италии „Пионьер“.

Пин Полента идёт на рынок

— Пин Полента, сходи на рынок и купи корову.

— Сейчас, тётушка, сейчас.

Купил Пин Полента хорошую корову.

— Пин Полента, эту корову вам приходится тащить за собой, а если бы у вас был осёл, вы могли бы сесть на него верхом.

— Я дам вам корову, а вы дайте мне в обмен вашего осла.

Так они и сделали.

— Пин Полента, мясо свиньи куда вкуснее мяса осла.

— Правда? Тогда давайте меняться.

Так они и сделали.

— Пин Полента, у гуся не только мясо, но и пух есть. Вы сможете им набить подушку.

— А ведь верно... Дайте мне вашего гуся, а я вам дам свинью.

И они поменялись.

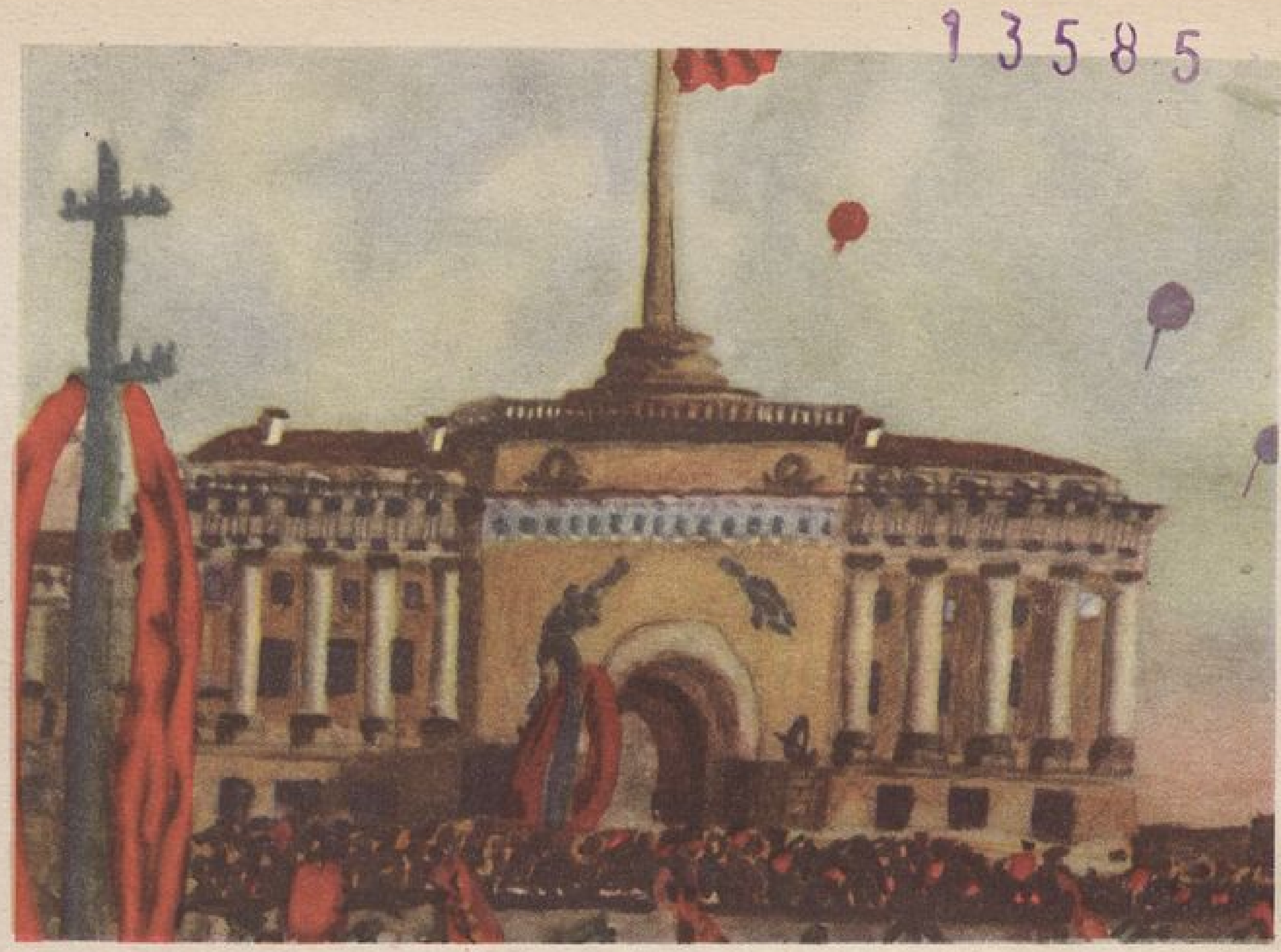
Но и гуся Пин Полента отдал точильщику в обмен на тяжёлый точильный камень, с помощью которого он надеялся выточить много монет.

А в это время воры ограбили одного путешественника. Когда воры пробегали мимо Пин Поленты, он уронил тяжёлый камень прямо на ноги ворам. Тут подоспели люди и поймали воров. Богатый путешественник дал Пин Поленте маленький мешочек, в котором было много денег.

Недаром говорит пословица: „Удача смелым приходит, а трусов обходит".

Пересказал Л. Вершинин

ПАРАД.
Новиков Володя, 11 лет,
город Ленинград.

ОРНАМЕНТ.
Леонова Оля, 7 лет,
Московская область, город Тушино.

МАТРЁШКИ.
Александрович Тамара, 6 лет,
город Бобруйск.

КОЛОКОЛЬЧИКИ.
Глебов Серёжа, 7 лет,
Московская область, город Тушино.

КАРУСЕЛЬ.
Тарасова Наташа, 7 лет,
город Ленинград.

На обложке рисунок О. Коровина

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, В. ЩЕГЛОВ.

Художественный редактор О. Камкин Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06 *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А04368 Подписано к печати 24/IX 1955 г. Бумага 60×92$^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 2004

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская ул., 21.